



Ален Жобер

Дина Верни

**История моей жизни, рассказанная
Алену Жоберу**

Музей современного искусства «Гараж»

Москва
2022

УДК 73(44)(093.3)
ББК 85.13+84(4)
В35

*Перевод с французского СЕРГЕЙ КОСТИН
Дизайн и верстка МАРИЯ КАСАТКИНА*

Ален Жобер

Дина Верни: История моей жизни, рассказанная
Алену Жоберу / Ален Жобер. — М.: Музей
современного искусства «Гараж», 2022.

ISBN 978-5-6045383-2-6

*Фото на обложке: Пьер Жаме. Дина Верни, 1936г.
Фото на с. 7: Брассай. Дина Верни и «Девушка, стоящая
на коленях», 1947г.*

Все права защищены.

© Музей современного искусства «Гараж», 2022

© Adagp, Paris, 2009, pour les oeuvres de Henri Laurens,
Aristide Maillol

© Association Willy Maywald /Adagp, Paris, 2009, pour les
oeuvres de Willy Maywald

© Estate Brassaï / RMN pour les oeuvres de Brassaï

© Éditions Gallimard, Paris 2009

www.gallimard.fr

- (1). Разговор в фонде
 - (2). Первые годы
 - (3). Во времена народного фронта
 - (4). Решающая встреча
 - (5). Майоль за работой
 - (6). Во время войны
 - (7). Переход границы
 - (8). Марсель
 - (9). Черные годы
 - (10). Улица Жакоб, 36
 - (11). Майоль в Тюильри
 - (12). Искусство коллекционирования
 - (13). Путешествия
 - (14). По-прежнему Россия!
 - (15). Возвращение к фонтану «Времена года»
- БЛАГОДАРНОСТИ
- ИСТОЧНИКИ ФОТОГРАФИЙ

«История моей жизни» — это эпизоды из жизни легендарной Дины Верни (1919–2009), которые она рассказала писателю и режиссеру Алену Жоберу. Слово «эпизоды» не в полной мере описывает богатую событиями жизнь Верни — «приключения» будет куда более подходящим определением. Поэтому и эта книга скорее напоминает авантурный роман, нежели классическую автобиографию.

Так кем же все-таки была Дина Верни? В юном возрасте она стала музой великого французского скульптора Аристиды Майоля, а десятилетия спустя основала Музей Майоля в Париже и пожертвовала Франции восемнадцать его скульптур, которые сегодня выставлены в Саду Тюильри. Во время Второй мировой войны Верни была участницей Сопротивления, помогала беженцам из оккупированной Франции переправляться в Испанию. Дважды ее арестовывали — после второго ареста Верни провела шесть месяцев в тюрьме и была вызволена усилиями Майоля.

После войны она открыла галерею в Париже и начала показывать там современное искусство. В 1959 году Верни впервые посетила Советский Союз, где познакомилась с художниками-нонконформистами, такими как Илья Кабаков, Эрик Булатов и Владимир Янкилевский, которых она выставляла в Париже, — в то время их искусство было запрещено на родине. Будучи очень музыкальной, во время одного своего приезда в СССР Верни собрала песни бывших заключенных ГУЛАГа и в 1975 году выпустила во Франции альбом под названием *Chants des prisonniers sibériens d'aujourd'hui*. Сборник почти сразу же начал нелегально распространяться в СССР, и Верни запретили въезд в страну.

В России издано очень мало литературы о Дине-Верни. Я рад, что теперь российский читатель получит возможность узнать о ней больше. Отдельно хочу

поблагодарить за помощь в подготовке этого издания
Оливье Лоркена, сына Дины Верни, а также ее внуков —
Александра и Пьера Лоркенов.

*Антон Белов,
директор Музея современного искусства «Гараж»*

(1)

Разговор в фонде

(АЖ) «Фонд Дины Верни — Музей Майоля». Почему двойное название? Оно разграничивает музей и фонд или, напротив, соединяет два имени?

(ДВ) Нельзя было связывать с Майолем предметы, принадлежащие мне, — те, которые были частью моей коллекции, а ему могли и не понравиться, — те, которые он бы не понял или просто-напросто не оценил: это было бы неправильно. Так что существует Музей Майоля — это главное, и есть моя коллекция, дополняющая экспозицию музея, дополняющая Майоля и в каком-то смысле проводящая его через все столетие. Музей сегодня пользуется большим успехом именно потому, что Майоль не один, он вписан в свое столетие, окружен друзьями и людьми искусства, в том числе главными фигурами XX века. И это усиливает интерес посетителей. Музей не должен быть пирамидой, склепом, чем-то связанным со смертью. Он должен быть живым. У меня были свои мысли на этот счет. Я люблю музеи. Я провела массу времени там и наблюдала. И мне редко доводилось видеть атмосферу, настолько же теплую, как та, которую я стараюсь создать в моем музее.

(АЖ) Говоря «в моем», подразумеваете ли вы, что это и музей вашей жизни...

(ДВ) Мое собрание произведений искусства, предметов, которые я собирала всю жизнь, стало

общедоступной коллекцией. Люди, которые приходят сюда и интересуются ею, часами осматривают произведения искусства. Им нужны тепло и дружелюбная атмосфера. И они находят все это здесь.

(АЖ) Как вам удалось создать такой музей?

(ДВ) Это потребовало сверхчеловеческих усилий, что-то из области невозможного. Как обычная женщина смогла достичь подобной цели, не имея поначалу состояния? Мое состояние —лишь произведения искусства, и я не хотела с ними расставаться. Как такое возможно? Ну я сделала возможным то, что кажется невозможным. Потому что очень хотела, жаждала сделать. Я столько боролась за это. Долгие годы. И в конце концов мне удалось. Но потребовалось время, возможно, слишком много времени.

Чтобы создать фонд во Франции, нужно спуститься в ад, буквально! Это очень сложно. Никто тебе не помогает. Наоборот! Так что заниматься всем в одиночку, при всеобщем равнодушии иногда тоскливо. Но меня это не ожесточило, нет. Прежде всего потому, что я оптимистка. И еще потому, что я верю: искусство принадлежит всем, так что нужно просто сделать его открытым, доступным всем. Это я и сделала.

(АЖ) Когда вы собирали свою коллекцию, у вас была мысль, что в один прекрасный день она может стать музеем?

(ДВ) Вовсе нет. Я в первую очередь коллекционер. Мне нравится собирать предметы искусства. В конечном счете, когда коллекция становится значительной, стоит сделать ее общедоступной. Показать ее, чтобы и другие могли ею воспользоваться. Но поначалу я об этом даже не помышляла.

(АЖ) Вы же не ограничивались одними картинами?

(ДВ) Я коллекционировала множество всяких вещей, самых разных! У меня была и сейчас есть масса коллекций. Произведения искусства — картины или скульптуры — это лишь одна из коллекций среди прочих.



Фонтан «Времена года». Париж, ул. Гренель, -59-61. Создан скульптором Эдме Бушардоном (1698-1762) между 1739 и 1746гг.

(АЖ) Например?

(ДВ) Да чего только я не собирала! Начиная в молодости, с археологических находок. У меня отличное археологическое собрание. Что удивительно для человека, не обладающего никакими специальными знаниями в этой области, — я даже не совершала ошибок! Позднее я собирала и другие вещи: экипажи, старинную мебель. Но мне пришлось расстаться с некоторыми коллекциями, чтобы финансировать музей. Например, с моими собраниями кукол или автографов.

(АЖ) Вам было с самого начала все это предназначено — создание таких коллекций, встречи с

великими художниками, жизнь в окружении произведений искусства и потом создание музея и фонда?

(ДВ) Нет, вовсе нет! Все всегда было по воле случая. Знаете, в жизни масса всякого-разного просто случается, и все. Невозможно представлять себе: вот ты знакомишься с великими художниками, собираешь их произведения, коллекционируешь то, что тебе нравится. Совершенно невозможно. Нет, все это — дело случая. Жизнь соткана из случайностей, моя-то уж точно.

(2)

Первые годы

(АЖ) В первом ряду таких случайностей наверняка стоят обстоятельства вашего рождения и происхождения...

(ДВ) Мой отец, Яков Айбиндер, был настоящий боец. Он родился музыкантом, но, родись он в античные времена, — был бы воином. Родом отец был из Одессы. В 1905 году в Одессу из Румынии пришел броненосец «Потемкин». Он уже совершил большое плавание. Его матросы подняли знаменитое восстание, которое все знают по фильму Эйзенштейна. Среди них были социалисты и анархисты. И отчасти именно благодаря им произошла революция 1905 года. Ну и, конечно, из-за глупости царя, приказавшего стрелять в свой народ. Но по поводу «Потемкина» я хотела бы сделать маленькое историческое отступление. Значит, корабль приходит в Одессу, уже известную по всей России. У ее матросов есть провиант, и те, кто приходит к ним, уходят с листовками, а те, кто приходит с детьми, уходят с шоколадками, что по тем временам в России было большой редкостью. Моему отцу было пятнадцать лет. Он, как и все, поднялся на борт «Потемкина», а спустился с полными карманами листовок и шоколадок. И именно тогда налетели казаки.

Когда говорят о казаках, всегда думают о донском казачестве. Но были ведь и другие, всецело преданные царю, даже и на Кавказе. И в тот день это были одни из самых свирепых казаков, ингуши, это одна из

славянских народностей¹ Кавказа. Всех окружили. Тех, кто поднимался на борт «Потемкина», обыскиали, а тех, у кого нашли листовки, арестовали. И пятнадцатилетний совершенно ошарашенный парнишка был арестован с листовками и шоколадками.

(АЖ) Они арестовывали даже детей?

(ДВ) Да. И ничего нельзя было сделать, парня не отпускали. Пришел его отец, мой дед, которого я никогда не видела. Пришли его сестры. А его сестры, то есть мои будущие тетушки, были очень продвинутыми барышнями, они были нигилистками, не кем-то там! Хотя их отец был евреем и им отказывали в нормальном обучении в силу *numerus clausus*², они боролись и достигли неплохих успехов. Одна из них, Ребекка, была врачом, французским врачом, поскольку она училась во Франции и начинала работать врачом в родильном доме Боделока. Она занималась микробиологическими исследованиями в области послеродовой горячки. Другая сестра, Мария, стала оперной певицей, представляете: певицей! Третья сестра, Бетти, была хирургом-стоматологом! И вот три сестры, три интеллектуалки, получившие высшее образование, пришли, чтобы забрать мальчишку. Им отказали: «У него нашли листовки, он отправится за решетку». В пятнадцать лет! Так мой будущий отец оказался в тюрьме, царской тюрьме. Но надо вам сказать, что в те времена вся думающая Россия была за решеткой. В России хорошо жилось купцам — тем, кто продавал и покупал. Но на тех, кто думал, это не распространялось!

Саша Гитри³ рассказал мне очень занятную историю. Он родился в Санкт-Петербурге, его отец служил актером Михайловского театра и водил знакомство с цирковым клоуном Дуровым, который был известен и как дрессировщик. Он дрессировал свиней и одевал их

в жандармские мундиры. Не знаю, чем все кончилось, но клоун Дуров осмелился это сделать!

(АЖ) Да. Это была целая цирковая династия, и по сей день в Москве около площади Коммуны⁴ существует Театр зверей имени Дурова.

(ДВ) Свиньи делали разные смешные трюки, заставляя хохотать всю Россию. В конце концов монархическая глупость, средневековая, но дожившая до XX века, привела к падению не только дома Романовых, но и России! Которая не оправилась от этого по сей день. И мой папа, встретившийся в заключении с русской элитой, примкнул к социал-демократическому движению, к СД, как тогда говорили. Он вышел из тюрьмы, но вскоре снова туда вернулся.

(АЖ) Как это?

(ДВ) В тюрьме отца назначили руководителем социалистической молодежи Украины. Выйдя на свободу, он отправился на сходку, собравшуюся в комнате одной студентки. А в соседней комнате собралась другая организация, намного более политизированная, чем социал-демократы. Это была секта, настоящие террористы. Но, надо сказать, они ликвидировали только палачей. На процессе судьи требовали, чтобы обвиняемые сказали, кто они такие. Судья спрашивал: «Чем ты занимаешься? Кто ты такой?». И если обвиняемый говорил: «Я социал-демократ», то получал от пяти до десяти лет, в зависимости от обвинения. А если он принадлежал к коммунистам-террористам — мне кажется, так их называли, — казнили без суда и следствия, сразу ставили к стенке.

Так вот, во время этой сходки вдруг слышится шум. Это казаки! Они пришли арестовать террористов, но,

поскольку за стеной совещались социал-демократы, забрали всех — представителей всех губерний и всех организаций. Пока их везли, один солдат шепнул моему отцу: «Ты же, голубчик, совсем мальчишка. Я тебе подскажу, что делать». И объясняет ему: «Ты скажешь офицеру, который будет тебя допрашивать, к какой политической организации ты принадлежишь. Если не скажешь, тебе крышка». Отец возражает: «Нет-нет, мне сказали, нужно ни в чем не признаваться». Солдат засмеялся и говорит: «Слушай, в данном случае нужно признаться». Отец провел ужасную ночь. А утром он предстал перед судом. Его спрашивают, откуда он. «Я из Одессы. Уже отсидел пять лет. Социал-демократ. И даже представитель социалистической молодежи Киева, то есть Украины». Его сослали на шесть лет в Западную Сибирь. Но в связи с последующими событиями всего срока он не отбыл.

Однако ссылка и рядом не стояла с тем, что произойдет позднее, при Сталине и даже еще раньше, при Ленине, — то, что потом назовут ГУЛАГом. Тех, кто, как мой отец, был сослан в Сибирь, определяли на постой к крестьянам. Они были под надзором, должны были отмечаться каждый день у жандармов. Мой отец встретил там необыкновенных людей. И там же он впервые познал женщину. Анархистку! В ссылке он познакомился с самыми удивительными людьми тогдашней России: с художниками, писателями, философами, политиками... В ссылке была вся думающая царская Россия.

(АЖ) Это были рассказы, под которые вы засыпали в детстве?

(ДВ) Под которые засыпала? Да нет. Отец парутройку раз рассказывал мне что-то такое, но без подробностей. Он был не из тех, кто жил прошлым. Он смотрел в будущее. Мой отец — во мне.

(АЖ) А ваши бабушки и дедушки?

(ДВ) Мой дед по отцовской линии, который из Одессы и которого я не знала, богатства не нажил. Он был евреем-ашкенази, то есть европейским евреем. У него было пятеро детей. Сам он интересовался «Народной волей», террористической популистской организацией. Три его дочери, как я уже говорила, были нигилистками, все три получили высшее образование, и все добились успеха. Лишь одна, Соня, не окончила университета. Это была сплоченная семья интеллектуалов, людей передовых взглядов.

В общем, начиная с моего одесского дедушки, мы люди светские, получается, уже пять поколений.

(АЖ) А ваша мать?

(ДВ) Мама — это совсем другая история. Она была дочерью очень богатого человека, которого звали Григорий Звигильский. Он был сефардом, его предки жили в Толедо, пока в 1492 году их не изгнала оттуда королева Изабелла Католичка. В те времена евреев, которые не хотели отказываться от своей религии, силой, избивая, сажали на суда. Многие погибли в море — на это отчасти и был расчет. Моих предков приняла Турция. Они прожили там целых сто лет, пока не перебрались в Россию, где смогли поселиться на юге страны.



Дина с матерью и отцом, ок. 1923–1924 гг.

Я знала и любила этого своего деда. Знала я и его мать, мою прабабушку Симу. Это была очень старая элегантная дама, изъяснявшаяся на языке Сервантеса и презиравшая русский. Она была со мной очень ласкова, но говорила по-испански.

У этого деда по материнской линии, Григория, была табачная фабрика. Еврей, он, благодаря своему таланту и огромной работоспособности, стал одним из тех крупных русских промышленников 1905 года, которые начали индустриализацию и развитие России. Он производил очень модную тогда марку сигарет из светлого восточного табака, типа «Абдуллы». Сейчас никто уже такие не курит, но тогда люди их обожали.

На самом деле я должна была родиться в Крыму, потому что у деда там было потрясающее имение. Но шла Гражданская война. У деда была собственность и в других местах, в том числе шоколадная фабрика в Молдавии. Именно эта фабрика позволяла ему посылать своих детей учиться за границу — все они, кроме моей матери, получили высшее образование.

(АЖ) А вашему деду не приходило в голову начать покупать произведения искусства, как знаменитым русским коллекционерам, промышленникам Щукину и Морозову?

(ДВ) Моему деду не посчастливилось встретить известнейшую швейцарскую коллекционершу Хеди Ханлозер, которая, показав свое собрание современного искусства, заразила их собирательством⁵. Увы, нет! Дед был очень богат, но искусство — это было не его. Он был оригиналом. Путешествовал по всей Европе, посетил все дворцы. Построил в Бессарабии дом, на фронте которого было выбито: «Здесь проживает почтенный Григорий Звигильский, член Купеческой гильдии». Каждое окно в этом доме было в своем стиле: пламенеющей готики, романском, барочном. И я с самого раннего детства замечала эти различия.

Бессарабия была раньше российской губернией, которая располагалась между Румынией и Черным морем. Это была глухая провинция, ничем не примечательная, как и многие другие южные губернии. А Молдавия, благодаря смешению ближневосточных народов и цыганам, которые все как один были музыкантами, блистала. Именно в Бессарабию в самом начале XIX века царь Николай I сослал величайшего русского поэта Александра Пушкина, чтобы наказать его за дружбу с декабристами. У Пушкина остались о Бессарабии очень неприятные воспоминания, которые он и изложил в своих стихах. В XX веке эта губерния изменилась. Разумеется, она осталась такой же провинцией, но новый век, со своими передовыми идеями, студентами, группой интеллектуалов, придал жизни и шарма Бессарабии, которая, хотя и принадлежала Румынии, хотя и не жаловала русский язык, душой своей оставалась русской.

Какое-то время я жила в Бессарабии в доме деда, где было множество слуг. Меня очень привлекали молдавские горничные и лакеи, я любила их слушать. Это было мне строго запрещено, но я проскальзывала на просторную кухню в подвальном помещении, откуда блюда подавались на подъемнике. Женщины рассказывали мне молдавские легенды или страшные сказки. Лакеи играли на скрипках и других струнных инструментах, издававших чарующие звуки. Чуть что — меня прятали в подъемник.

Я тогда была совсем маленькой, но, наверное, чувствовала поэтичность этих сказаний. Я их и сегодня помню. Возможно, именно скромные служанки моего деда пробудили во мне глубокий интерес к примитивному искусству. Что касается музыки лакеев, я позднее поняла, что моя любовь к настоящей, большой музыке берет начало в народных мелодиях, которые так прельщали меня в детстве. В общем, моя мать принадлежала к очень богатой буржуазии. Но мною мама не интересовалась.

(АЖ) Почему?

(ДВ) Потому что я испортила ей талию.

(АЖ) Она что, не хотела других детей?

(ДВ) Нет.

(АЖ) Она была кокетлива?

(ДВ) Очень. И очень красива. Как с картины Ренуара. В сороковые годы мама уже была в возрасте, но очень понравилась сыну Майоля. Он ею восхищался. А я была похожа скорее на ее сестру Розу, вечную студентку. В конечном счете во время войны Роза получила кафедру общественных наук в Америке, ей тогда было пятьдесят.

(АЖ) Это была большая семья?

(ДВ) Да, большая. Со стороны Звигильских их было четверо. Они жили в основном в Молдавии, у деда Звигильского. У него было два экипажа, запряженных двойкой лошадей, две «виктории», как их называли в честь английской королевы. Это были удобные, низко сидящие экипажи, на которых дед и ездил по городу, и путешествовал. В одной «виктории» ездил он с багажом, а во второй — румынские цыгане, которые всю дорогу играли для него. Дед был ни на кого не похож. Он был светским евреем, что в те времена и в его положении требовало определенного мужества.

Как только в 1917 году к власти пришли большевики, дед Звигильский потерял все, что у него было в России. Однако благодаря одному повороту истории часть его состояния удалось спасти. После смерти царя Николая I в 1855 году императором стал Александр II. И чтобы остановить злосчастную Крымскую войну, на следующий год он заключил мирный договор, по которому Бессарабия и Молдавия отошли Румынии. Так что собственность деда в этих двух провинциях, включая шоколадную фабрику, не пострадала.

Когда наша семья переехала в Бессарабию, я смогла получить хорошее образование. Дед нанял немецкую гувернантку. У матери было два брата и младшая сестра. Все они учились в университетах за границей.

Я встретила не только с одним из своих дядей, но и в особенности с тетей Розой в Париже. Роза занималась продвинутыми исследованиями в области политических наук. Совсем юной, еще в России, она встретила свою любовь в лице Бориса Скоморовского, сына социал-демократа. Она вышла замуж, и это оказался любовный союз на всю жизнь. Дядя Борис получил то же образование, что и Роза.

Отец дяди Бориса был вынужден эмигрировать, чтобы не попасть в лапы царской полиции. Он поселился в Ницце, где и умер в начале XX века. Он похоронен там же, в Ницце, на кладбище Симьез. Много позднее, в 1941 году, когда я работала у Анри Матисса, который жил в тех краях, мне пришлось в голову поискать могилу своего двоюродного дедушки-бунтаря. Матисс ходил туда со мной.

Однако все когда-то кончается — мой дед умер. Он скончался тихо, но был похоронен с помпой. А я потеряла первого своего друга — я была к нему привязана, он уделял мне много времени. Дед любил меня. Он вообще делал много добра. Бедняка никогда не прогоняли, его выслушивали, ему помогали, никогда не выставляя это напоказ. Дед выслушивал людей, которые хотели выбраться из своих несчастий. Он защищал несчастных, униженных, обездоленных. Поэтому на пути к его последнему прибежищу деда оплакивало множество простых людей.

(АЖ) Вернемся в Одессу. Значит, ваша семья по отцовской линии уехала из города?

(ДВ) Да. Наша одесская семья — мой отец, тетушки, кузины, включая сестру моего деда, — пересекли Днестр и присоединились к деду Григорию Звигильскому. Мы с родителями несколько раз переезжали с места на место, поездка, о которой я расскажу, не была первой, но стала последней.

Это замечательное воспоминание. Я совсем маленькая. Моя тетушка, которая была врачом во Франции, тем временем вышла замуж и родила сына. Этого сына, моего кузена Александра, воспитывали мои родители. Он потом присоединился к нам во Франции, со временем стал математиком. Так вот, мы уезжаем из Одессы в Бессарабию, к деду. Тот очень щедро заплатил морякам, чтобы с нами ничего не случилось. И

когда мы пересекали Днестр, один из подвыпивших моряков решил подтрунить над малышом. По-русски это очень красиво: «Скажи мне, маленький, куда ты едешь? Куда ты едешь?»⁶ А мой кузен Александр гордо отвечает: «Куда надо!»

(АЖ) Но почему они уехали? Из-за войны?

(ДВ) Да, из-за Гражданской войны. Все они хотели уехать. Хотели бы жить и бороться, но это стало невозможным. Сделаем небольшой экскурс в историю. Строить заводы, на которые крестьяне приходили работать и становились пролетариями, начали в последние годы XIX века. Рабочие спали в общежитиях, предоставляемых зарождающимися заводами. По мнению социал-демократов, существовал только один тезис: «Для марксизма „на русский лад“ нужно поддерживать экономическую борьбу пролетариата и участвовать в деятельности либеральной оппозиции». Это решение не устраивает Ленина, который хочет немедленно создать социал-демократическую рабочую партию и говорит о «диктатуре пролетариата». Насилие его не пугает. Для него цель оправдывает средства.

Социал-демократов и Ленина разделяла большая проблема: аграрный вопрос. Демократы хотели раздать землю крестьянам, а большевики — ее национализировать. Этот вопрос вставал и обсуждался на всех съездах. Социал-демократическая партия, которая была очень крупной, раскололась надвое: на тех, кто был за насилие, и тех, кто был против него. Те, кто был «за», оказались в большинстве, они стали называться большевиками. Мы же стали меньшевиками.

Большевики убивали анархистов. Социал-демократов бросали в тюрьмы, те же, что и в царское время. Все возобновилось, но с новой силой. Как говорила Наталия Троцкая⁷, которую я хорошо знала:

«Кто не видел русской революции, не видел ничего». Все быстро превратилось в хаос. Началась война, настоящая война. Гражданская, беспощадная.

Я родилась во время этой Гражданской войны. В 1919 году это была полноценная война между царской Белой армией и Красной армией, наскоро созданной Троцким. Однако в первую очередь это было восстание целого народа против исчерпавшего себя монархического правления, за улучшение условий существования. Народа, который на 82 % состоял из крестьян и лишь на 18 % — из пролетариев.

В армии были крестьяне, неотесанные, неграмотные, забитые, но движимые конкретным желанием: получить обещанную землю. Эти люди, бывшие крепостными на своей земле, были освобождены манифестом Александра II лишь в феврале 1861 года. До этого мужчин, женщин и детей могли продавать. И эти люди восстали, и простые крестьяне стали солдатами, которые ненадолго нашли общий язык с революционерами.

До нас дошли знаменитые имена, такие как Чапаев. Крестьянин, до смешного необразованный, в первую очередь Чапаев был командиром соединения, который умел сражаться и побеждать. И множество других простых крестьян стали военачальниками, сумевшими отличиться и командовать войсками, приводя их к победам. Это было восстание целого народа рабов. Это было время, когда впервые услышали слово «командир», от французского *commandant*. Время, когда солдаты покидали царскую армию, чтобы сражаться в рядах так называемой Красной армии, или, точнее, Рабоче-Крестьянской Красной Армии⁸.

В силу этого гигантского восстания Белая армия, в которой были стратегически мыслящие генералы и офицеры, но не было достаточно солдат, потерпела

сокрушительное поражение в Гражданской войне, которую она могла бы выиграть. Что касается создания Красной армии, Троцкого упрекали в использовании военных царской армии. Троцкий ответил Ленину: «А где взять знание военных законов, как не у самих военных?» И он сообщил Ленину, что множество офицеров царской армии примкнули к Красной армии и блестяще служили в ней.

(АЖ) То есть вы приехали во Францию с прививкой от большевизма?

(ДВ) Уж это точно! Антикоммунисткой номер один. И мой отец, который пострадал лично, знал это.

(АЖ) Вы уехали из России, но куда вы намеревались перебраться?

(ДВ) Я родилась в семье образованных буржуа. Все говорили по-французски. Местом назначения, о котором все мечтали, был Париж. В 1926 году — мне было семь лет — мы сначала уехали из России в Бессарабию, где жил дед. А затем — «Даешь Европу!», как тогда говорили русские. Путешествие началось через Львов в Польшу. Потом отец совершил большую поездку в поисках русской социал-демократии в изгнании. И в том же 1926 году мы оказались в Германии, в Берлине, где была большая колония русских эмигрантов, которые проявляли огромную солидарность друг с другом.

В Берлине мой отец был тепло принят русскими социал-демократами, он встретил там своих друзей. Мы жили в Шарлоттенбурге в роскошном отеле, который оплачивали социал-демократы. Друзья отца говорили ему: «Яков, оставайся с нами. У тебя будут положение, дом, работа». Но отец ответил: «Нет, я предпочитаю быть бедным во Франции, чем богатым в Германии».

И мы поехали поездом в Париж, где жили дядя Борис и тетя Роза Скоморовские. Мы прибыли туда в

конце 1926 года. Борис и Роза пришли встретить нас на вокзале. Они сняли номер в «Отель-де-Мин» (мне кажется, он до сих пор существует) в конце бульвара Сен-Мишель. Едва ступив на землю Франции, второй родины всех борющихся за права человека, отец стал словно наэлектризован. К тому же рядом с вокзалом пели! В те времена на улицах пели. Тогда продавались ноты модных песенок, и люди останавливались и пели все вместе. «Посмотри, — сказал мне отец, — Франция поет. В какой другой стране ты это увидишь?»

Мы съехали из «Отеля-де-Мин» и обосновались на улице Монж напротив Политехнического института — институт тогда располагался там, и в его сквере я играла. Едва сойдя с поезда, отец поспешил записаться в отделение Социалистической партии V округа — это тогда был оплот социалистов.

Раньше я читала по-русски столько же, сколько по-французски. Это мне очень помогло, я не забыла язык. Как и многие музыкально одаренные люди, я легко говорю на нескольких языках. Но это не шло ни в какое сравнение с языками, на которых говорил дядя Борис, профессиональный лингвист. Я думала, что загоню его в тупик, когда он сообщил о своей предстоящей поездке в Италию: «Дядюшка, но ты же не говоришь по-итальянски». — «Ну и что? — ответил он. — Я знаю латынь, меня поймут».

Начальное образование во Франции до войны было замечательным. Я поступила в школу на улице Понтуаэ, а моей учительницей была мадам Лассаль из семьи известного немецкого социалиста-революционера. Поначалу в школе над моим слишком правильным, слишком литературным французским смеялись. Но я быстро приобрела парижский акцент. Родители хотели, чтобы я осваивала языки, и у меня появилась немецкая гувернантка. В общем, я поступила в школу русской девочкой, а вышла из нее француженкой. Стала ею

целиком и полностью. Но в нашем доме по-прежнему бывали русские.

(АЖ) Ах, эти русские в Париже!

(ДВ) Это было начало массовой русской эмиграции, ее первая волна 1920-х годов. Из России уехали не только великие князья и графы, аристократы, генералы, офицеры и солдаты Белой армии, защитники монархии, но в первую очередь представители буржуазии и совсем простые люди, люди из народа.

Левые либералы — не коммунисты, а таких было много в России, и самых разных толков — пытались всеми способами как можно скорее уехать из страны и с севера, и с юга, через Константинополь, Швецию, Норвегию... Люди уезжали, и многие из них приехали во Францию. Потеряв все, аристократы становились таксистами. Перед Второй мировой чуть не все водители такси в Париже были русскими. Селились эмигранты и в Ницце. Там при царе традиционно жили аристократы, и образовалась большая русская колония.

В Париже русский рабочий класс из числа вновь прибывших быстро нашел работу. Заводам были нужны рабочие руки, и люди, владеющие разными профессиями, находили себе место. Это же касалось и части буржуазии: многие становились рабочими, так как были уверены, что их сразу наймут. Однако большинству представителей буржуазии и высокопоставленных людей предлагалась работа совсем иного рода. И они брались за то, что предлагалось. Многие становились ночными сторожами. Шикарные дамы обслуживали туалеты. В «Куполе», «Ротонде», «Селекте»⁹, на Монпарнасе, в кафе Итальянского бульвара и Монмартра за такие места боролись. Словом, все русские эмигранты в Париже

находили работу, какой бы она ни была, чтобы жить достойно.

Русские жили главным образом в Бийанкуре или в Отёйе¹⁰. В 1920–1923 годах в найме на работу не было ничего сверхъестественного. Таков был печальный результат огромных человеческих потерь Франции в Первую мировую. В Париже открывались русские рестораны, открывались кабаре, где выступали русские артисты. Сегодня ничего такого не осталось, но в те времена это считалось роскошью, талантливые русские имели успех. Все русское в Париже было модным. Первая эмиграция принесла с собой русскую культуру.



Пьер Жаме: Дина в 1936 г.

(3)

Во времена народного фронта

(АЖ) Как прошли ваши первые годы в Париже?

(ДВ) Я частенько оставалась одна — мои родители работали. Я много гуляла по этому прекрасному городу, который стал моим. Особенно внимательно рассматривала расположенные поблизости большие здания. От улицы Монж я доходила до Валь-де-Грас — через Пантеон и церковь Святой Женевьевы. Еще я ходила в Тургеневскую библиотеку, чтобы читать детские книги по-русски.

В библиотеке были в основном Тургенев и другие русские писатели — все те, кто пострадал при царизме и эмигрировал во Францию, то есть интеллектуалы, ученые, любители... Там было много самых разных книг. Были даже манускрипты, рукописные книги, сотни редких изданий, литература XIX века, всякие публикации, запрещенные в России, весьма интересные, и множество детских книг, удивительных по качеству текстов. Во время войны Тургеневская библиотека была разграблена и вывезена в Германию нацистами.

Меня в первую очередь интересовала археология — она меня до сих пор не отпускает. Родители давали мне деньги на обед в школьной столовой. Но я туда заходила редко, хотя столовая была очень приличной. Мои карманные деньги уходили на покупку детских газет, типа «Неделя Сюзетт», а через несколько лет,

когда я начала коллекционировать, на археологические находки, которые тогда были вполне доступны. Два моих любимых антиквара располагались на улице Бонапарта. Я их удивляла: я была такой юной, но хотела не только все знать — хотела покупать разные вещицы. Антиквары были очень добры ко мне, продавая мне по ценам для студентов, да еще позволяя покупать в рассрочку.

На улице Монж над нами жило семейство с Антильских островов. Соседей было много, они были шумными и очаровательными. Мы иногда разговаривали. Мать этого семейства сразу поняла, что я недоедала. Матери все чувствуют. Но она заметила, что я была с характером, и, чтобы не обидеть, стала думать, как покормить меня, как кормят птичек. В конце концов она пригласила меня на антильский обед, устроенный в честь семейного праздника. Так я проникла в это антильское семейство — у меня до сих пор во рту вкус той бесподобной кухни — и я вот так запросто оказалась на Антильских островах улицы Монж. Знаете, их приветливость и глубокая человечность остались со мной на всю жизнь. Когда мы сблизились, они стали говорить при мне без оглядки: могли, например, вспоминать истории из тех времен, когда — в начале XIX века — их предки еще были рабами на Антильских островах.

Они просили меня рассказывать то, что я знала от отца о русской революции и о Сталине, который их зачаровывал. Антильцы не были политизированы, это были люди доброй воли, которые хотели понимать, что про Советский Союз правда, а что — выдумка. Они хотели знать и про то, кем был Троцкий.

Я пыталась сдерживать эти желания, говоря им, что они мне не поверят, что никто не верит, что по-настоящему слеп тот, кто не хочет видеть. Почему они должны мне верить? Это было бессмысленно. Но они

настаивали, хотели знать о Сталине все. К моему глубокому удивлению, они подолгу выслушивали меня и поверили мне. Потом они начали читать на эту тему и стали антисталинистами, как и мы с отцом. Я встречалась с антильцами каждый день, мы очень сблизились. С самого раннего детства и по сей день я не терплю никаких критических замечаний в адрес цветных людей или насмешек над ними. Расизм происходит от незнания. Это — один из пороков нашей цивилизации.

(АЖ) Хорошо! Но пока мы в 1934-1935 годах, накануне Народного фронта.

(ДВ) Пользуясь всеобщим недовольством в условиях экономического кризиса, кагуляры¹¹, роялисты, члены «Огненных крестов»¹² решили, что они достаточно сильны, чтобы взять власть и отправить правительство в отставку. Лидер кагуляров Делонкль явился со своими отрядами к Национальному собранию. Они напали на конные подразделения республиканской гвардии, защищавшие вход в здание. Вооружившись бритвами, кагуляры перерезали сухожилия лошадям, кровь лилась рекой. Гвардейцы храбро сражались. Там было много раненых и погибших. На площади Согласия собиралась «Аксьон франсез»¹³ и различные лиги, в том числе «Огненные кресты». Чуть не каждый день их разгоняла полиция. Они призвали своих сторонников выступить против сил законопорядка 6 февраля. Разгромили несколько автобусов, нападали на автомобилистов, снова были раненые и погибшие. Это происходило вечером, и члены «Аксьон франсез» зажигали ракеты, чтобы освещать стычки. Всего было семнадцать или двадцать погибших и более двух тысяч пострадавших. Однако республиканцы победили. Утром членов лиг, «Аксьон франсез» и кагуляров разогнала полиция.